

Л.Н. Семенова (Минск, Беларусь)

ЭТНОС И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Этнос и цивилизация существуют в неразрывном взаимодействии, питая друг друга духовными соками, что подтверждает история белорусского этноса как элемента русской цивилизации. Находясь в ВКЛ и Речи Посполитой, белорусы не потеряли русской основы. Возвращение в Российскую империю и совместное пребывание в СССР оказалось закономерным следствием развития единой русской цивилизации.

Ключевые слова: *этнос, идентичность, цивилизация, управленческая система, культурный код, национальное развитие*

Среди человеческих сообществ важнейшее место занимают этносы. В этнической идентичности воплощаются все символические структуры культуры: язык, ментальность, коллективный склад психики, стереотипы поведения, мифология, фольклор и др., с помощью которых общность осознает свое единство и отличает себя от других. Однако, любая идентичность, имея объективные основы в реальном взаимодействии людей, окончательно формируется только благодаря управлению и фиксируется в порождаемой им идеологии. Как отмечал Л.Н. Гумилев, для средневековой науки Западной Европы этнография была не актуальна. Но в эпоху Великих географических открытий положение изменилось коренным образом [1, с. 25]. Этносы, так как мы их понимаем сегодня, стали актуализироваться в эпоху нового времени, в период формирования мировой капиталистической системы, когда мир действительно и географически и экономически стал един и нужно было различать многочисленные народы. Так, по словам Л.Н. Гумилева, «возникла этнография, наука о различиях между народами» [1, с. 27].

Этносы предстали перед исследователями в виде изменчивой калейдоскопичной картины. Народов оказалось очень много. Границы их расселения были размыты, отнюдь не совпадая ни с каким административно-территориальным делением. Отличительные признаки порой не столько различали, сколько объединяли. Критерии, характеризующие этносы, не отличались однозначностью и подходили для характеристики других общностей. С течением времени картина этносов менялась: народы то объединялись, то разделялись. В конструируемых таксономиях ученые, с одной стороны, шли внутрь этносов, выделяя всевозможные подгруппы, но, с другой стороны, очень важно было идти и вширь, объединяя их в большие общности, пытаясь найти материнские культурные матрицы, на которых они выросли и которые их питают живительными духовными соками. Появились понятия «культуры»,

«цивилизации», такие большие региональные общности, после которых в классификации социумов идет только человечество в целом.

В науке категорильная связка *этнос–цивилизация* дает большие возможности для анализа и осмысления двух субъективно конструируемых взаимосвязанных и взаимовложенных друг в друга общественных систем, поскольку в реальной исторической жизни объективно существующая малая этническая общность или будет жить в сопротивлении, а потом возможно будет поглощена и полностью растворится в чуждой ей большой культуре, или будет адекватно развиваться в соответствующей ей родной цивилизации.

Если мы обратимся к известной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, то увидим, что «этнос» у него понятие с весьма эластичными и дрейфующими границами. Но в общем, по его мнению, в этносе больше биологического, нежели социального: «Этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий» [1, с. 11]. Второе начало термодинамики – это стремление термодинамических систем к равновесию, переход энергии от теплых систем к холодным, а не наоборот. Это есть не что иное, как закон возрастания энтропии. Применительно к процессу этногенеза это означает, что этнос в своем развитии проходит все фазы живого организма, начиная от рождения, роста, подъема, зрелости и заканчивая гомеостазисом и умиранием. Также Гумилев определяет этносы, как «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [1, с. 22].

Принимая идею биологического в этносе, следует признать, что тогда культура-цивилизация выступает в качестве уравнивающего социального начала. В этом случае под культурой должно понимать в соответствии с Д.Л. Андреевым «общий объем творчества человечества» [2, с. 51]. А под цивилизацией – ее региональное оформление, культурно-региональный комплекс, в отличие от стадий в развитии человечества, что в принципе дополняет друг друга: региональные культуры проходят в своем развитии определенные стадии. Более того цивилизация становится материально-техническим оформлением культуры. В этой связи интересны рассуждения О. Шпенглера о том, что «цивилизация есть неизбежная судьба культуры. Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством...» [3, с. 43]. Как этнос

не может жить вне своего природно-географического ландшафта, кстати одного для многих родственных этносов, так он не может жить вне культурного ландшафта, и что вполне естественно, также единого для многих этносов.

В этой связке *этнос–цивилизация*, в соответствии со вторым началом термодинамики, большая цивилизация передает свою культурную энергию малому этносу.

Если мы обратимся к определению этноса, данному еще И.В. Сталиным и многократно тиражируемому в различных учебниках, то в нем перечисляются такие вполне объективные и ясные признаки, конструирующие этнос, как: общность территории, хозяйственной жизни, язык, особенности культуры, национальный характер и стереотипы поведения. Каждый из этих признаков и все они вместе растягиваются до цивилизации. В рамках марксистской традиции знаменитый французский историк Ф. Бродель и основатель школы миросистемного анализа И. Валлерстайн ввели объемный многогранный термин «мир-экономика». Политической формой мир-экономики по большей части становится мир-империя. В таких мирах формировался устойчивый рынок, складывалась своя система хозяйственных связей, развивалась общая система культурных норм и символов. Из этого выросло сходство художественных вкусов, единство политических, религиозных, эстетических представлений, правил повседневной жизни, по сути дела цивилизация. Как заметил Б.Ю. Кагарлицкий, миры-экономики по Валлерстайну – это и есть цивилизации по Шпенглеру и Тойнби. Ничего мистического и загадочного нет ни в их появлении, ни в их развитии, ни даже в их упадке и исчезновении, ведь экономические условия и границы мировых хозяйственных регионов с течением времени менялись [4, с. 29]. В этой связи этнос является всего лишь элементом большой социальной системы цивилизации. В силу стечения исторических обстоятельств он может выпасть из своей системы, встроиться в другую, и даже потерять свои определяющие качества, но если он сохранил свои системные признаки, тогда он будет жить и взаимодействовать со своей материнской системой.

Все это хорошо видно на примере развития белорусского этноса в лоне русской цивилизации. Официальная историография начинает нашу цивилизованную историю с христианских летописных фактов, относящихся к VIII–IX вв. и зафиксированных прежде всего в «Повести временных лет». То, что было раньше, должно вписываться в схему первобытной истории. Ее этническая составляющая скупко обозначается сменой доиндоевропейцев на индоевропейцев на протяжении II тыс. до н.э. Даже не задается вопрос, а что происходило на огромной территории Евразии, включая белорусские земли, с IV–III тыс. до н.э., когда уже развивались древние государства-

цивилизации, располагавшиеся южнее. Неужели, когда южные соседи в Китае, Индии, Месопотамии, Египте, Греции, Риме строили роскошные дворцы, храмы, гробницы, наши предки в звериных шкурах все еще зарисовывали пещеры? Между тем уже накоплено огромное множество артефактов, свидетельствующих о существовании не менее развитой цивилизации русов, русичей Гипербореи-Орианы. Скорее всего именно эта неизученная, скрываемая от нас, не представленная в учебниках цивилизация и явилась культурной матрицей русской цивилизации. Славянские племена были ее западной частью, в том числе предки белорусов кривичи, дреговичи, радимичи. То, что эта цивилизация не стала значительным разделом официальной историографии, свидетельствует о том, что в контексте глобального исторического процесса, при решении четких управленческих задач по подчинению и колонизации Евразии, наследников этой цивилизации нужно было лишить исторической памяти, изначальных культурных кодов, поставив их на второе место после «более древнего и развитого» Запада – наследника Древней Греции и Рима.

Колонизация русской цивилизации Западом и переориентация культурных смыслов начались с создания Русского государства и включения его в библейский проект. Викинги-варяги объединили под своей властью часть русских восточнославянских племенных княжений, располагавшихся по торговому пути «из варяг в греки» и оживили торговлю с самой экономически развитой и мощной на тот момент Византийской империей. Торговля нарушила равновесную многоукладную экономику русских племен. Города, а Русь называли Гардарикой – «страной городов», стали высасывать соки из села, и очень быстро опустошили всю сельскую округу. Принятое христианство не только включило новую управленческую систему Русь в западный библейский проект, не только ввело на Руси новую идеократию, но усилило чувство единой русской идентичности. Ведь христианство, провозглашая, что «нет ни эллина, ни иудея ...» спланивало людей в единой вере, стирая в их сознании различные перегородки. По словам М.И. Кояловича, люди стали жить «общей русской жизнью» [5, с. 8]. В сознании русских людей разрушались племенные различия и укреплялась цивилизационная идентичность для кого-то благодаря толчку теперь новой веры, для кого-то вопреки ей. Собственная идеология не смогла состыковаться с западным христианством. После официальной схизмы церковью 1054 г. в рамках греческого образца христианства начало развиваться русское православие, которое теперь на долгие века станет определяющим культурным кодом, хранителем и объединителем русского народа.

Политически же русский народ окажется раздроблен сначала на множество княжеств и даже республик (Новгородскую и Псковскую),

впоследствии на два крупных территориально растущих навстречу друг другу образования Великое княжество Литовское (ВКЛ) и Великое княжество Московское (ВКМ). ВКЛ, в котором с XIV в. оказались наши белорусские земли с проживавшим на них русским народом, сразу оказалось под западным влиянием через соседнюю Польшу. Запад в целом и Польша в частности рассматривали конструкт будь то Великого княжества Литовского, будь то Речи Посполитой в качестве плацдарма для движения на Восток. Русские люди самого ВКЛ считались объектом экономической эксплуатации и политического и идеологического подчинения – окатоличивания. Великое княжество Московское находилось под политическим патронатом и налоговым прессом Золотой Орды. Владимиро-Суздальская земля, на которой появилась Москва, была оплотом православия. Неслучайно Москва стала политической формой русской цивилизации, а Литва вводила русских людей в Западную систему. Русские люди Литвы оказались в ситуации политического отрыва от родной цивилизационной матрицы. Западная Русь была отрезана от восточной. Один народ, принадлежавший к одной цивилизации, оказался разделен между двумя государственными управленческими системами. Собственно, главным идейным стержнем истории ВКЛ стала борьба западнорусского народа за свою русскость и православную веру.

И западнорусские люди не потеряли своей цивилизационной идентичности. Они сохраняли и развивали живые связи со своим восточным соседом, своей цивилизационной колыбелью. Как писал М.И. Коялович: «Туда их неодолимо тянут и русская вера громадного большинства населения западной России, и русский язык еще более громадного числа их, и русская торговля, более насущная для всей этой страны, чем торговля с ее западными соседями. Историческая, народная тяга западной России к восточной сказывалась в многочисленных случаях» [5, с. 9–10]. Западнорусские люди и высших и низших слоев участвовали во многих делах Русского государства. Князья-воины защищали его на поле брани, ремесленники отстраивали города, ученые продвигали науку и образование. Коялович подчеркивал: «Можно сказать со всей справедливостью, что в строении русского государства, русского языка и русской литературы трудились все русские и с востока, и с запада. От того это стремление и вышло таким большим и таким крепким» [5, с. 11].

Воссоединение западных русских людей, теперь уже белорусов и малороссов, в границах Российской империи, а затем совместное пребывание в СССР оказалось неизбежным и закономерным, т.к. оно основывалось на цивилизационном единстве. Западная Русь, как ее ни старались переделать и перевести в другую веру, хотя бы и в униатскую, так и осталась русской страной. Вернувшись в лоно материнской цивилизации

белорусский и украинский этносы получили возможности для своего национального развития.

Таким образом наша отечественная история наглядно подтверждает неразрывную взаимосвязь этноса и цивилизации. Многообразие этносов является источником силы и динамизма цивилизаций, а живительная связь с родной цивилизацией обеспечивает полноценное развитие этноса. Нынешнее пребывание белорусов в собственном национальном государстве отнюдь не противоречит данному постулату, а, напротив, подчеркивает целостность и действенность русского мира, неизбежность интеграционных процессов на постсоветском пространстве, развития Союзного государства Беларуси и России.

Библиографические ссылки

1. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
2. *Андреев Д.Л.* Роза мира. М. : Эксмо, 2007. 800 с.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск : Попурри, 2009. 656 с.
4. *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 680 с.
5. *Коялович М.И.* Чтения по истории западной России. Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2006. 476 с.